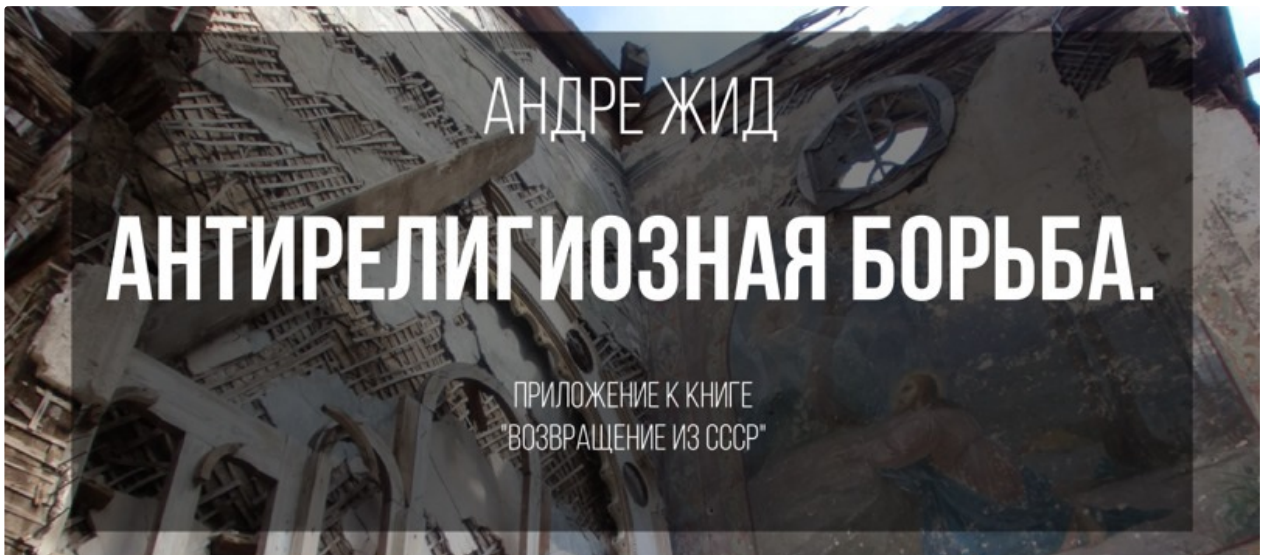

rebelzine

Я не был в московских антирелигиозных музеях, но в ленинградском, в Исаакиевском соборе, был, его золотой купол восхитительно сияет над городом. Снаружи музей выглядит очень хорошо, внутри — ужасно. Большие картины на религиозные темы могут подвигнуть на богохульство — так они безобразны. В самом музее все обходится без грубостей, каких можно было бы ожидать. Речь там идет о противопоставлении религии и науки. Экскурсоводы приходят на помощь тем ленивым умам, которых не убедили различные оптические приборы, астрономические, биологические, анатомические или статистические таблицы. Все в рамках приличий, без излишней агрессивности. Во всем этом больше от Реклю или Фламариона, чем от Лео Токсиля. Очень гостается, например, священникам. Но несколькими днями раньше в окрестностях Ленинграда, по дороге в Петергоф, мне случилось повстречать настоящего священника. Его вид был более красноречив, чем все антирелигиозные музеи СССР, вместе взятые. Не буду его описывать. Убогий, нелепый, грязный, он казался специальным изобретением большевизма, который с помощью этого чучела надеялся навсегда изгнать из деревень религиозные чувства. С другой стороны, я не могу забыть колоритного монаха-сторожа очень красивой церкви, где мы были незадолго перед поездкой с Х. Сколько достоинства во всей осанке! Сколько благородства в чертах лица! Сколько печальной гордости и смирения! И ни единого слова, ни жеста, ни взгляда в нашу сторону. Украдкой рассматривая его, я подумал о евангельском «*tradebat autem*», вдохновившем Боссюэ на великолепный порыв красноречия.

Археологический музей Херсонеса в окрестностях Севастополя тоже расположен в церкви. Настенную живопись в ней пощадил, несомненно, из-за ее антихудожественности. Поверх фресок развешены повсюду плакаты. Под изваянием Христа надпись: «Легендарная личность, которая никогда не существовала».

Я не уверен, что СССР ведет эту антирелигиозную войну как следует.

Марксисты поступили бы правильно, если бы сосредоточились только на истории и, отрицая божественность (и даже существование) Христа, отбросив церковные догмы, идею воскрешения, попытались бы тем не менее отнестись критически и по-человечески к учению, принесшему в мир новую надежду и самый сильный революционный фермент, какой только был возможен в то время. Можно было бы даже сказать о том, как церковь предала эти надежды, как освободительная евангельская доктрина, увы, при попустительстве церкви способствовала худшим злоупотреблениям власти. Все-таки это лучше, чем все отрицать и замалчивать. Ведь невозможно ни стереть, ни утаить прошлое, и из-за невежества, на которое обрекли народы СССР, они беззащитны и беспомощны перед эпидемией мистики, способной возникнуть в любое время.

Более того, во всем этом есть еще практическая сторона, и я уже высказывал свои соображения по этому поводу.

Невежество, пренебрежение к Евангелию и всему, связанному с ним, может только самым плачевным образом обеднить человечество, его культуру. Мне не хотелось бы, чтобы подобные суждения сочли за рецидивы моего первоначального образования и воспитания. То же самое я сказал бы и о греческих мифах, воспитательное значение которых огромно и вечно. Мне кажется абсурдным верить в них, но в равной степени абсурдно не признавать истину, которую они в себе заключают, и думать, что можно ограничиться улыбкой и пожиманием плеч. Что касается консервативного влияния религии на сознание, отпечатка, который может наложить на него вера, я знаю об этом и думаю, что было бы хорошо освободить от всего этого нового человека. Я допускаю также, что суеверие, поддержанное священником, наносит страшный ущерб морали в деревне и повсюду (я был в апартаментах царицы), и понимаю, что может возникнуть желание разом избавиться от всего этого, но... У немцев есть хорошая поговорка, я не могу подобрать схожей французской: «вместе с водой выплеснули ребенка». По невежеству и в великой спешке. И что вода в корыте была грязная и зловонная — может быть. Настолько грязная, что не пришло даже в голову подумать о ребенке, выплеснули все сразу, не глядя.

И когда я слышу теперь, как говорят, что по соображениям терпимости, по прочим разным соображениям надо отливать заново колокола, боюсь, чтобы это не стало началом, чтобы не наполнили снова грязной водой купель... в которой уже нет ребенка.

АНДРЕ ЖИД, 1936

АПР. 3 2014

Home Archive

OBSERVER THEME BY ZACK SULTAN